

Сергей Алексеев «Тридцать три богатыря»

Летом 1942 года фашисты начали новое наступление. Враги двигались к Волге, к городу Сталинграду. Сейчас этот город называется Волгоград.

Их было 33. Как в сказке. 33 богатыря. 33 отважных советских солдата. Западнее Сталинграда защищали бойцы важную высоту. Не смогли здесь фашисты вперёд прорваться. Обошли высоту фашисты. Попали бойцы в окружение.

Не дрогнули смельчаки, 27 танков подбили в бою герои. Уничтожили 150 фашистов.

Кончились боеприпасы. Прорвались солдаты сквозь окружение. Вернулись к своим войскам. Все оказались целы, все невредимы. Лишь один рядовой Жезлов неопасно осколком ранен.

Обступили солдаты героев. Интересно узнать подробности. Вот стоит Семён Калита. Отличился в бою Калита. Первым уничтожил фашистский танк.

— А ну, расскажи, расскажи про геройство, — атаковали его солдаты.

Засмутился Семён Калита:

— Да я... Да что я... Вот Иван Тимофеев. Вот это да. Вот это герой.

И это верно — рядовой Иван Тимофеев уничтожил два неприятельских танка.

Повернулись солдаты к Ивану Тимофееву:

— А ну, расскажи, расскажи про геройство.

Засмутился Иван Тимофеев:

— Да я... Да что я... Вот Владимир Пасхальный — вот кто герой. Вот кто лучше других сражался.

И верно. Младший сержант Владимир Пасхальный три фашистских танка вывел из строя. Вот кто герой, конечно.

Не отпускают солдаты Пасхального:

— Ну-ну, расскажи про подвиг.

Засмутился Владимир Пасхальный:

— Да я... Да что я... Вот товарищ младший политрук Евтифеев — вот кто из героев герой настоящий.

И верно. Младший политрук Евтифеев подбил четыре фашистских танка. Поражаются солдаты:

— Вот это да!

— Вот так стрелок!

— Провёл, выходит, среди фашистов политбеседу!

Окружили солдаты политрука:

— Товарищ Евтифеев, расскажи про геройство.

Усмехнулся Евтифеев, начал рассказывать.

Рассказал о героях: о младшем сержанте Михаиле Мингалеве, о солдате Николае Власкине, о старшине Дмитрие Пуказове и о других бойцах.

— Про себя, про себя! — закричали солдаты.

Засмутился Евтифеев.

— Да я... — Глянул вокруг, увидел Семёна Калиту, того, кто первым подбил неприятельский танк: — Вот пусть вам Семён Калита про себя расскажет. Он всему положил начало...

Сталинград. Штаб Сталинградского фронта. Командующий фронтом генерал-полковник Андрей Иванович Ерёменко.

Доложили о подвиге 33-х отважных генералу Ерёменко:

— Товарищ командующий, подбили двадцать семь танков. Живыми назад вернулись.

— Двадцать семь?

— Так точно, двадцать семь.

— Герои, — сказал Ерёменко, — герои. — Помолчал, добавил: — А то, что смерть победили, что жизнь сберегли — дважды они герои. Богатыри!

33 советских богатыря — так и окрестили солдаты героев прославленной высоты. А вскоре и награды пришли к героям. Ордена и медали засверкали у них на груди.

Сергей Алексеев «Буль-буль»

Не стихают бои в Сталинграде. Рвутся фашисты к Волге.

Обозлил сержанта Носкова какой-то фашист. Траншеи наши и гитлеровцев тут проходили рядом. Слышна из окопа к окопу речь.

Сидит фашист в своём укрытии, выкрикивает:

— Рус, завтра буль-буль!

То есть хочет сказать, что завтра прорвутся фашисты к Волге, сбросят в Волгу защитников Сталинграда.

Сидит фашист, не высовывается. Лишь голос из окопа доносится:

— Рус, завтра буль-буль. — И уточняет: — Буль-буль у Вольга.

Действует это «буль-буль» на нервы сержанту Носкову.

Другие спокойны. Кое-кто из солдат даже посмеивается. А Носков:

— Эка ж, проклятый фриц! Да покажись ты. Дай хоть взглянуть на тебя.

Гитлеровец как раз и высунулся. Глянул Носков, глянули другие солдаты. Рыжеват. Осповат. Уши торчком. Пилотка на темени чудом держится.

Высунулся фашист и снова:

— Буль-буль!

Кто-то из наших солдат схватил винтовку. Вскинул, прицелился.

— Не трожь! — строго сказал Носков. Посмотрел на Носкова солдат удивлённо.

Пожал плечами. Отвёл винтовку.

До самого вечера каркал ушастый немец: «Рус, завтра буль-буль. Завтра у Вольга». К вечеру фашистский солдат умолк.

«Заснул», — поняли в наших окопах. Стали постепенно и наши солдаты дремать. Вдруг видят, кто-то стал вылезать из окопа. Смотрят — сержант Носков. А следом за ним лучший его дружок рядовой Турянчик. Выбрались дружки- приятели из окопа, прижались к земле, поползли к немецкой траншее.

Проснулись солдаты. Недоумевают. С чего это вдруг Носков и Турянчик к фашистам отправились в гости? Смотрят солдаты туда, на запад, глаза в темноте ломают. Беспокоиться стали солдаты.

Но вот кто-то сказал:

— Братцы, ползут назад.

Второй подтвердил:

— Так и есть, возвращаются.

Всмотрелись солдаты — верно. Ползут, прижавшись к земле, друзья. Только не двое их. Трое. Присмотрелись бойцы: третий солдат фашистский, тот самый — «буль-буль». Только не ползёт он. Волокут его Носков и Турянчик. Кляп во рту у солдата.

Притащили друзья крикуна в окоп. Передохнули — и дальше в штаб.

Однако дорогой сбежали к Волге. Схватили фашиста за руки, за шею, в Волгу его макнули.

— Буль-буль, буль-буль! — кричит озорно Турянчик.

— Буль-буль, — пускает фашист пузыри. Трясётся, как лист осиновый.

— Не бойся, не бойся, — сказал Носков. — Русский не бьёт лежачего.

Сдали солдаты пленного в штаб. Махнул на прощанье фашисту Носков рукой.

— Буль-буль, — прощаясь, сказал Турянчик.

Сергей Алексеев «Злая фамилия»

Стеснялся солдат своей фамилии. Не повезло ему при рождении. Трусов его фамилия. Время военное. Фамилия броская. Уже в военкомате, когда призывали солдата в армию, — первый вопрос:

— Фамилия?

— Трусов.

— Как-как?

— Трусов.

— Д-да... — протянули работники военкомата.

Попал боец в роту.

— Как фамилия?

— Рядовой Трусов.

— Как-как?

— Рядовой Трусов.

— Д-да... — протянул командир.

Много бед от фамилии принял солдат. Кругом шутки да прибаутки:

— Видать, твой предок в героях не был.

— В обоз при такой фамилии!

Привезут полевую почту. Соберутся солдаты в круг. Идёт раздача прибывших писем. Называют фамилии:

— Козлов! Сизов! Смирнов!

Всё нормально. Подходят солдаты, берут свои письма.

Выкрикнут:

— Трусов!

Смеются кругом солдаты.

Не вяжется с военным временем как-то фамилия. Горе солдату с этой фамилией.

В составе своей 149-й отдельной стрелковой бригады рядовой Трусов прибыл под Сталинград. Переправили бойцов через Волгу на правый берег. Вступила бригада в бой.

— Ну, Трусов, посмотрим, какой из тебя солдат, — сказал командир отделения.

Не хочется Трусову оскандалиться. Старается. Идут солдаты в атаку. Вдруг слева застрочил вражеский пулемёт. Развернулся Трусов. Из автомата дал очередь. Замолчал неприятельский пулемёт.

— Молодец! — похвалил бойца командир отделения.

Пробежали солдаты ещё несколько шагов. Снова бьёт пулемёт.

Теперь уже справа. Повернулся Трусов. Подобрался к пулемётчику. Бросил гранату. И этот фашист утих.

— Герой! — сказал командир отделения.

Залегли солдаты. Ведут перестрелку с фашистами. Кончился бой. Подсчитали солдаты убитых врагов. Двадцать человек оказалось у того места, откуда вёл огонь рядовой Трусов.

— О-о! — вырвалось у командира отделения. — Ну, брат, злая твоя фамилия. Злая!

Улыбнулся Трусов.

За смелость и решительность в бою рядовой Трусов был награждён медалью.

Висит на груди у героя медаль «За отвагу». Кто ни встретит — глаза на награду скосит.

Первый к солдату теперь вопрос:

— За что награждён, герой?

Никто не переспросит теперь фамилию. Не хихикнет теперь никто. С ехидством словцо не бросит.

Ясно отныне бойцу: не в фамилии честь солдатская — дела человека красят.

Сергей Алексеев «Геннадий Сталинградovich»

В сражающемся Сталинграде, в самый разгар боёв, среди дыма, металла, огня и развалин солдаты подобрали мальчика. Мальчик крохотный, мальчик-бусинка.

— Как тебя звать?

— Гена.

— Сколько тебе годов?

— Пять, — важно ответил мальчик.

Пригрели, накормили, приютили солдаты мальчишку. Забрали бусинку в штаб. Попал он на командный пункт генерала Чуйкова.

Смышлёным был мальчик. Прошёл всего день, а он уже почти всех командиров запомнил. Мало того, что в лицо не путал, фамилии каждого знал и даже, представьте, мог назвать всех по имени-отчеству.

Знает кроха, что командующий армией генерал-лейтенант Чуйков — Василий Иванович. Начальник штаба армии генерал-майор Крылов — Николай Иванович. Член Военного совета армии дивизионный комиссар Гуров — Кузьма Акимович. Командующий артиллерией генерал Пожарский — Николай Митрофанович. Начальник бронетанковых войск армии Вайнруб — Матвей Григорьевич.

Поразительный был мальчишка. Смелый. Сразу пронюхал, где склад, где кухня, как штабного повара Глинку по имени-отчеству зовут, как величать адъютантов, связных, посыльных.

Ходит важно, со всеми здороваётся:

— Здравствуйте, Павел Васильевич!..

— Здравствуйте, Аткар Ибрагимович!..

— Здравия желаю, Семён Никодимович!..

— Привет вам, Каюм Калимулинович!..

И генералы, и офицеры, и рядовые — все полюбили мальчишку. Тоже стали кроху по имени-отчеству звать. Кто-то первым сказал:

— Сталинградович!

Так и пошло. Встретят мальчонку-бусинку:

— Здравия желаем, Геннадий Сталинградович!

Доволен мальчишка. Надует губы:

— Благодарю!

Кругом полыхает война. Не место в аду мальчишке.

— На левый берег его! На левый!

Стали прощаться с мальчишкой солдаты:

— Доброй дороги тебе, Сталинградович!

— Сил набирайся!

— Мужай!

— Расти!

— Честь с юных лет береги, Сталинградович!

Уезжал он с попутным катером. Стоит у борта мальчишка. Машет ручонкой воинам.

Проводили солдаты бусинку и снова к ратным своим делам. Словно бы не было мальчика, словно бы сон привиделся.

Сергей Алексеев «Победа под Сталинградом»

Сражается Сталинград. А в это время с севера и с юга от города устремились навстречу друг другу наши танковые корпуса.

Окружила Советская армия фашистов. В боях разбила. Те, кто остался цел, устремились теперь в Сталинград, в ту часть города, которая пока ещё в руках у фашистов. Ищут фашисты среди стен городских спасение. Приходят в город всё новые и новые фашистские части, а тут и своих полно.

Дома все разрушены. Щебень да камни.

Расползлись фашистские солдаты по подвалам разрушенных домов, по подземельям, погребам и траншеям. Залезают в любую щель.

В одном из глубоких подвалов, под зданием бывшего универмага, сидит и командующий окружённой фашистской армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс.

— Мужайтесь! Держитесь! — кричат из подвала фашистские генералы.

Здесь, в подвале, штаб окружённой армии или, вернее, того, что осталось от армии. Не много солдат добрело до города. Одни ещё бьются. Другие махнули на всё рукой.

— Держитесь! Держитесь! — приказ солдатам.

Однако всё меньше и меньше тех, кто готов с держаться. И вот к центру Сталинграда прорвались советские танки. Подошли танкисты к подвалу, в котором скрывались фашистский штаб и фельдмаршал Паулюс. Спустились в подвал герои:

— Будьте любезны, руки кверху, фельдмаршал Паулюс!

Сдался фельдмаршал в плен.

Добивают солдаты фашистов. Из подвалов, подземелий, щелей, траншей выкуривают.

— Вылезайте на свет, голубчики!

Выходят фашисты. Руки, как пики, вверх. Головы — в плечи.

2 февраля 1943 года фашистские войска, окружённые под Сталинградом, окончательно сложили оружие. Всё, что осталось от огромной 330-тысячной гитлеровской армии, сдалось в плен. Советскими войсками были разбиты или полностью уничтожены 22 фашистские дивизии. Пленена 91 тысяча фашистских солдат, в том числе 2500 офицеров. Помимо фельдмаршала, советские войска взяли в плен 23 гитлеровских генерала.

Фашистская армия, сражавшаяся под Сталинградом, перестала существовать.

Прошло два дня, и на центральной площади Сталинграда состоялся огромный митинг. Застыли в строю солдаты. Слушают слова о фашистской капитуляции. Несутся слова над площадью:

— Двадцать две дивизии!

— Двадцать три генерала!

— Девяносто одна тысяча фашистских солдат и офицеров!

— Фельдмаршал Паулюс!

Победа под Сталинградом была полной. Победа была великой. Не померкнет слава её в веках.

Сталинград!

Крепость на Волге.

Город-легенда.

Город-герой.

Здесь люди стояли как скалы. Здесь жизнь победила смерть.

Рассказы о битве на Курской дуге

Сергей Алексеев «Первые залпы»

Июль. 5-е. 1943 год. Короткая летняя ночь. Курская дуга. Не спят фашисты. На 3 часа утра назначено наступление. Отборные войска направлены сюда, под Курск. Лучшие солдаты. Лучшие офицеры и генералы. Лучшие танки, лучшие пушки. Самые быстрые самолёты. Таков приказ главаря фашистов — Адольфа Гитлера.

За тридцать минут до начала штурма начнут фашисты артиллерийскую атаку на советские позиции. Загрохочут пушки. Это будет в 2.30. Пропашут снаряды советские позиции. Затем вперёд устремятся танки. За ними пойдёт пехота.

Притаились фашистские солдаты. Сигнала ждут. Нет-нет, на часы посмотрят. Вот два часа ночи. Два пять. Два десять. Двадцать минут до двух тридцати осталось. Пятнадцать, десять минут осталось. Десять минут, и тогда...

И вдруг! Что такое?! Не могут понять фашистские солдаты, что же вокруг случилось. Не от них, не со стороны фашистских позиций, а оттуда, от русских, прорвав рассвет, огненным гневом ударили пушки. Покатился смертельный вал. Вот подошёл к окопам. Вот заплясал, закружил над окопами. Вот поднял землю к небу. Вот вновь металлом забил, как градом.

В чём же дело?

Оказалось, советским разведчикам удалось установить точные сроки фашистского наступления. День в день. Час в час. Минута в минуту. Не упустили удачу наши. Упредили фашистов. По готовым к атаке фашистским войскам первыми всей силой огня ударили.

Заметались фашистские генералы. Задержалось у них наступление. Прижались к земле фашистские солдаты. Не тронулись с исходных позиций фашистские танки. Не успели артиллеристы открыть огонь. Лишь через несколько часов смогли фашисты пойти в атаку. Однако без прежнего энтузиазма.

Шутили у нас в окопах:

— Не тот теперь выдох!

— Не тот замах!

И всё же сила у фашистов была огромная. Рвутся они к победе. Верят они в победу.

Сергей Алексеев «Горовец»

Эскадрилья советских истребителей завершала боевой вылет. Прикрывали лётчики с воздуха южнее Курска наземные наши части. И вот теперь возвращались к себе на базу.

Последним в строю летел лейтенант Александр Горовец. Всё хорошо. Исправно гудит мотор. Стрелки приборов застыли на нужных метках. Летит Горовец. Знает — впереди лишь минутный отдых. Посадка. Заправка. И снова в воздух. Нелегко авиации в эти дни. Битва не только гремит на земле — поднялась этажами в воздух.

Летит Горовец, небо окинет взглядом, взглядом проверит землю. Вдруг видит — летят самолёты: чуть сзади, чуть в стороне. Присмотрелся — фашистские бомбардировщики.

Начал лётчик кричать своим. Не ответил никто из наших. Сплюнул пилот в досаде. Зло посмотрел на рацию. Не работает, смолкла рация.

Идут фашистские бомбардировщики курсом к нашим наземным позициям. Там и обрушат смертельный груз.

Подумал секунду лейтенант Горовец. Затем развернул самолёт и устремился к врагам навстречу.

Врезался лётчик в фашистский строй. Первой атакой пошёл на ведущего. Стремительным был удар. Секунда. Вторая. Ура! Вспыхнул свечой ведущий.

Развернулся лейтенант Горовец, на второго фашиста бросился. Ура! И этот рухнул.

Рванулся к третьему. Падает третий.

Расстроился строй фашистов. Атакуют врагов Горовец. Снова заход и снова.

Четвёртый упал фашист.

Вспыхнул пятый.

Шестой!

Седьмой!

Уходят фашисты.

Но и это ещё не всё. Не отпускает врагов Горовец. Бросился вслед. Вот восьмой самолёт в прицеле. Вот и он задымил, как факел. Секунда. Секунда. И сбит самолёт девятый.

Бой лётчика Горовца был уникальным, неповторимым. Много подвигов совершили советские лётчики в небе. Сбивали в одном полёте по три, по четыре, по пять и даже по шесть фашистов. Но чтобы девять! Нет. Такого не было. Ни до Горовца. Ни после. Ни у нас. Ни в одной из других воюющих армий. Лейтенант Горовец стал Героем Советского Союза.

Не вернулся из полёта лейтенант Александр Константинович Горовец. Уже на обратном пути к аэродрому набросились на героя четыре фашистских истребителя.

Погиб лейтенант Горовец.

А подвиг живёт. И рассказы о нём ходят как быль, как сказка.

Сергей Алексеев «Три подвига»

Многие советские лётчики отличились в боях под Курском.

Весной 1942 года в тяжёлых схватках на Северо-Западном фронте в воздушном бою один из советских лётчиков был тяжело ранен, а его самолёт подбит. Лётчик опустился на территорию, занятую врагом. Он оказался один в лесной глуши. Лётчик встал лицом к востоку и начал пробираться к своим. Он шёл сквозь снежные сугробы, один, без людей, без еды.

Солнце садилось и всходило.

А он шёл и шёл.

Болели раны. Но он преодолевал боль.

Он шёл и шёл.

Когда силы его покидали, он продолжал ползти.

Метр за метром. Сантиметр за сантиметром.

Он не сдавался.

Солнце всходило и садилось.

А он шёл и шёл.

Он совершил подвиг и дошёл до своих.

На восемнадцатые сутки, измождённого и обмороженного, его подобрала партизаны. На самолёте он был доставлен в госпиталь. И тут самое страшное — неумолимый приговор врачей: необходима операция. Лётчик обморожен.

Лётчик лишился ног.

Но лётчик хотел летать. Хотел продолжать бить ненавистного врага.

И вот он совершает второй свой подвиг. Лётчику сделали протезы. Он начал тренироваться ходить с костылями, а затем... без костылей.

Теперь он упросил врачей разрешить сесть ему в самолёт. Он был настойчив, и врачи уступили. Лётчик снова на лётном поле. Вот он в кабине. Он снова в воздухе.

И опять тренировки, тренировки, бесчисленные тренировки.

Его проверили самые придирчивые экзаменаторы и разрешили летать.

— Только в тылу, — сказали лётчику.

Лётчик упросил отправить его на фронт.

Лётчик упросил доверить ему истребитель.

Он прибыл под Курск незадолго до начала Курской битвы. По первой же тревоге он поднялся в воздух.

Тут, под Курском, он совершил свой третий подвиг. В первых же боях он сбил три вражеских самолёта.

Этот лётчик известен всей стране. Имя его — Алексей Петрович Маресьев. Он Герой Советского Союза. О нём написана прекрасная книга. Автор её — писатель Борис Полевой. «Повесть о настоящем человеке» — называется эта книга.

Сергей Алексеев «Необычная операция»

Поражался Мокапка Зяблов. Непонятное что-то творилось у них на станции. Жил мальчик с дедом и бабушкой недалеко от города Суджи в небольшом рабочем посёлке при станции Локинской. Был сыном потомственного железнодорожника.

Любил Мокапка часами крутиться около станции. Особенно в эти дни. Один за одним приходят сюда эшелоны. Подвозят военную технику. Знает Мокапка, что победили фашистов наши войска под Курском. Гонят врагов на запад. Хоть и мал, да с умом Мокапка, видит — приходят сюда эшелоны. Понимает: значит, здесь, в этих местах, намечается дальнейшее наступление.

Идут эшелоны, пыхтят паровозы. Разгружают солдаты военный груз.

Крутился Мокапка как-то рядом с путями. Видит: новый пришёл эшелон. Танки стоят на платформах. Много. Принялся мальчик танки считать. Присмотрелся — а они деревянные. Как же на них воевать?!

Бросился мальчик к бабушке.

— Деревянные, — шепчет, — танки.

— Неужто? — всплеснула руками бабушка.

Бросился к деду:

— Деревянные, деда, танки.

Поднял старый глаза на внука.

Помчался мальчишка к станции. Смотрит: снова идёт эшелон. Остановился состав. Глянул Мокапка — пушки стоят на платформах. Много. Не меньше, чем было танков.

Присмотрелся Мокапка — так ведь пушки тоже, никак, деревянные! Вместо стволов — кругляки торчат.

Бросился мальчик к бабушке.

— Деревянные, — шепчет, — пушки.

— Неужто?.. — всплеснула руками бабушка.

Бросился к деду:

— Деревянные, деда, пушки.

— Что-то новое, — молвил дед.

Много непонятного творилось тогда на станции. Прибыли как-то ящики со снарядами. Горы выросли этих ящиков. Доволен Мокапка:

— Здорово всыпят фашистам наши!

И вдруг узнаёт: пустые на станции ящики. «Зачем же таких-то и целые горы?!» — гадают мальчик.

А вот и совсем непонятное. Приходят сюда войска. Много. Колонна спешит за колонной. Идут открыто, приходят засветло.

— Наши идут! Наши идут! — голосит Мокапка.

Лёгкий характер у мальчика. Сразу познакомился с солдатами. Дотемна всё крутился рядом. Утром снова бежит к солдатам. И тут узнаёт: покинули ночью эти места солдаты.

Стоит Мокапка, опять гадает.

Не знал Мокапка, что применили наши под Суджей военную хитрость.

Ведут фашисты с самолётов разведку за советскими войсками. Видят: приходят на станцию эшелоны, привозят танки, привозят пушки.

Замечают фашисты и горы ящиков со снарядами. Засаекают, что движутся сюда войска. Много. За колонной идёт колонна. Видят фашисты, как подходят войска, а о том, что ночью незаметно отсюда они уходят, об этом враги не знают.

Ясно фашистам: вот где готовится новое русское наступление! Здесь, под городом Суджей. Стянули под Суджу они войска, на других участках силы свои ослабили. Только стянули — и тут удар! Однако не под Суджей. В другом месте ударили наши. Вновь победили они фашистов. А вскоре и вовсе разбили их в Курской битве.